
«НЕ НАДО ОРФЕЮ СХОДИТЬ К ЭВРИДИКЕ»: ДИХОТОМИЯ «ЖИЗНЬ-СМЕРТЬ» В ЦВЕТАЕВСКОЙ ТРАКТОВКЕ АНТИЧНОГО МИФА

К.В. Естехина

Кафедра русской и зарубежной литературы
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье на основе стихотворений М. Цветаевой, в которых поэтесса обращается к античным образам Орфея и Эвридики, раскрывается понимание судьбы поэта и его предназначения. В поэзии М. Цветаевой Орфей и Эвридика оказываются вовлеченными в творческие поиски смысла, который лежит за пределами этого мира, а обретение смысла предполагает конец одного из них в этом мире.

Ключевые слова: миф и литература, миф об Орфее и Эвридике, орфизм, русская литература Серебряного века, наследие античности, М. Волошин, М. Цветаева, поэт, понимание жизни и смерти.

В поэзии М. Цветаевой ощутимы отзвуки мифов и средневековых легенд о посещении царства мертвых, языческих верований о переселении душ, зеркальности миров; в ее творчестве запечатлены народные представления о грехе и возмездии.

Миф об Орфее и Эвридике занимает в сознании поэта особое место. Здесь сказалось не только влияние завораживающей трагической судьбы Орфея и Эвридики, древних орфических мистерий, наполненных мистическими тайнами, но и влияние на молодую М. Цветаеву русского поэта начала XX в. М. Волошина, которому образ Орфея был духовно близок.

В мировую историю искусства образ Орфея пришел из древней Эллады и неразрывно связан с мотивами жизни и смерти, поэта и поэзии, любви и разлуки. В античной культуре образ Орфея возник под двойным влиянием: Аполлона и Диониса. В учении, основание которого приписывается Орфею, осуществилось классическое единение двух начал: аполлонийской гармонии и дионисийского буйства. Дионис, почитаемый орфиками, является божеством вечного возрождения, мощных природных сил, воплотившихся в растительных и зооморфных телах, пропитавших своей кровью пробуждающиеся глубины земли. Непрестанное обновление мира в процессе жизни и смерти и есть не что иное, как перевоплощение Диониса. Не случайно в основе орфической антропологии — утверждение двойственности природы человека. В нем, по мнению орфиков, заключены два начала: низшее — телесное, титаническое и высшее — духовное. Образ Орфея, как уже говорилось, возник под двойным знаком, Аполлона и Диониса, как попытка древней Греции найти духовную опору на фоне крушения религиозных ценностей VI в. до н.э. «Какова связь между божеством и индивидом?» — ответ на этот вечный вопрос орфики нашли в концепции, согласно которой человек причастен к божественному началу, душа бессмертна, а следовательно, божественна.

Хотя в течение многих столетий учение орфиков было предано забвению, миф об Орфее и Эвридике сохранил основные идеи учения орфизма. Сквозь всепо-

глощающую любовь Орфея и Эвридики доносятся до нас представления о силе духа, влиянии на человека музыки и поэзии, подвиге самопожертвования.

В эпоху символизма миф об Орфее получил новое звучание и в русской литературе во многом благодаря М. Волошину, который нашел в этом образе созвучие своему внутреннему миру и творчеству. Орфей, как носитель вечного двоемирия, как нельзя лучше отражает существование поэта в раздвоенном мире. Коктебельские встречи в доме М. Волошина не могли не повлиять на молодую поэтессу М. Цветаеву. Орфические мотивы поэзии М. Волошина навели М. Цветаеву на решение вечных проблем — двуединства человека, роли поэта в мире, своего собственного понимания жизни и смерти.

В центре творчества М. Цветаевой — свободная личность, наделенная творческой силой, особым стремлением к познанию неведомого, это поэт как эталон настоящего человека. Поэт — маг и чародей, мистик и творец, поэт — посланник Бога, несущий в сердце рану, но при этом стремящийся к людям.

В творчестве М. Цветаевой поэт испытывает муки великого противостояния двух миров, бросает «с безвестной // Башни — в каторжный вой: // Голос правды небесной против // правды земной» («Книгу вечности на людских устах...»). Поэт является связующим звеном между этими мирами, а значит, ведет «пограничное» существование и тем самым отличается от других людей. Творчество поэта — своеобразный диалог и с трансцендентным миром, недоступным для познания, и с земным миром. С помощью диалога поэт пытается преодолеть границу между двумя несоединимыми мирами. Диалог с Богом имеет исповедальный, сокровенный характер. Диалог-вопросание возникает в стихотворении М. Цветаевой «Еще молитва». Такой диалог характерен для древних мифологических мистерий, которые носят инициальный характер. Мотив страдания, телесных, физических мучений предвосхищает обряды посвящения в таинство знаний. Претерпев мучения, будущий посвященный вступает в стадию взросления: это испытание огнем, водой, болью: «Я измучена этими длинными днями // ...Но не правда ль: ведь счастья нет, вне печали? // Кроме мертвых, ведь нету друзей?»

Испытание смертью — высшее благо, которое только может пожелать себе поэт, лирический герой. Тема смерти с удивительным постоянством проходит через все творчество М. Цветаевой: «Два цветка ко мне на грудь // Положите мне для воздуха. // Пусть нарядной тронусь в путь...», «А чердак мой чисто метен, // Сор подобран — в жаровню. // Смерть сим же часом встретим: // Ни сориночки любовной!» и т.д.

Смерть — мост, порог, который соединяет два мира. Мотив смерти переносит нас к самому первому мифу человеческой культуры — мифу об уходе и возвращении, смерти и жизни.

М. Цветаева видит в вещах и явлениях обычной жизни поступки, которые являются своеобразными испытаниями в ситуациях порога — смерти и последующего рождения. Поэтому-то часто рядом со смертью фигурируют амбивалентные в своем значении красные цветы («два цветка ко мне на грудь», «Розам — цвесь!») — после смерти следует рождение — «Красною кистью // Рябина зажглась. // Падали листья. // Я родилась!». Цветы — это символ природы, беспредельности ее совершенства, эмблема круговращения — рождения, жизни, смерти

и возрождения. Все в цветке несет определенную символику: и его форма, и число лепестков, и цвет, и запах. Например, красный цвет олицетворяет рассвет, восходящее Солнце, страсть, это атрибут Богини-Матери. Роза считается сложным символом — она амбивалентна, поскольку обозначает и небесное совершенство, и земную страсть, время и вечность, жизнь и смерть.

Часто в произведениях М. Цветаевой речь идет об оппозициях «жизнь—смерть», «мир живых — мир мертвых». Мотив смерти существует как мотив истинной ценности духа, ситуация смерти — это приобщение к другому миру, обретение нового знания. «Тот свет» — это прежде всего пространственная категория и некая ипостась поэта, способного к провидчеству, постижению иррационального. «Опаленность пламенем иного мира» есть необходимое условие становления поэта, по М. Цветаевой, что созвучно блоковскому утверждению «Я стою среди пожарниц, обожженный языками преисподнего огня...», фиксирующему позицию поэта как посредника между мирами. Чтобы иметь истинный опыт жизни и противостоять всем ее ужасам, надо познать опыт смерти, заглянуть в ее лицо и не утраститься ее близости. Образ одного из первых в мире поэтов дает нам античная мифология в певце Орфее, который, пытаясь спасти свою возлюбленную Эвридику, подвергает себя невероятным испытаниям и спускается в Аид. Но человеческое начало, страх не позволяют ему до конца довериться Богам, и Орфей оглядывается. Испытанная боль, муки утраты помогли ему приобрести нечто большее, чем земная любовь, — тайное знание, доступное настоящему поэту.

М. Цветаева посвящает одно из своих стихотворений описанию умертвленно-го Орфея. В стихотворении «Так плыли: голова и лира...» (1921) поэтесса изображает растерзанного вакханками Орфея: «Так плыли: голова и лира, // Вниз, в отступающую даль. // И лира уверяла: мира! // А губы повторяли: жаль!» М. Цветаева интерпретирует отдельные мотивы мифа об Орфее в «дионисийском» ключе, который свойствен языческому мироощущению: лира и голова Орфея были выброшены на остров Лесбос у Мефимны, лиру поместили в святилище Аполлона. В интерпретации Цветаевой («Так, к острову тому, где слаще // Чем где-либо — лжет соловей...») Орфей настоящий поэт, он преодолел границу миров, и ему открылось знание, которое получила Эвридика. В этом, по мнению М. Цветаевой, Эвридика «сильнее» Орфея — она приняла смерть.

Миф об Орфее и Эвридике интересен М. Цветаевой и с позиции отстаивания Эвридики ее права на «пребывание» в другом мире. Образ Орфея как «поющего» бога любви всегда привлекал М. Цветаеву. Но в еще большей степени ей дорог образ Эвридики. Орфей хотел вернуть Эвридику к жизни. Но в ней, мертвой, сосредоточено больше смысла, больше жизни, чем в нем, живом: «Уплочено же — всеми розами крови // За этот просторный покррой // Бессмертья... // До самых летейских верховий / Любивший — мне нужен покой. // Беспамятности ... Ибо в призрачном доме // Сем — призрак ты, суший, а явь — // Я, мертвая... Что скажу тебе, кроме: // — „Ты это забудь и оставь!“ // Уплочено же — вспомяни мои крики! — // За этот последний простор. // Не надо Орфею сходить к Эвридике // И братьям тревожить сестер» [1].

Эвридика стала самой сущностью, «подземным корнем», началом, из которого произрастает жизнь. Теряя свой вес и плоть, Эвридика становится созидающей силой, сливается с Духом, ощущает чистое бытие, причастность к творчеству («С бессмертья змеиным укусом // Кончается женская страсть!»). Но М. Цветаева не нивелирует образ Орфея. Орфей и Эвридика были единым целым на земле. Орфей становится поэтом во многом благодаря этой страшной утрате своей половинки — его подсознание стремится в другой мир, и тем самым ему открывается другое знание, тайное знание, символом, началом которого является Эвридика.

Это стихотворение «Эвридика — Орфею» было написано Цветаевой весной 1923 г., но ощущение неразрывной близости жизни и смерти, таинственной связи, существующей в их глубинах, проявилось в творчестве поэта уже давно.

В 1926 году М. Цветаева в письме к Б. Пастернаку, развивая тему Эвридики, напишет: «Я бы Орфею сумела внушить: не оглядывайся! Оборот Орфея — дело рук самой Эвридики. Оборот Орфея — либо слепость ее любви, не владение ею (скорей! скорей!) — либо — о, Борис, это страшно... либо приказ обернуться — и потерять. Все, что в ней еще любило, — последняя память, тень тела, какой-то мысок сердца, еще не тронутый ядом бессмертия, помнишь? — „...С бессмертья змеиным укусом // Кончается женская страсть!“ — Все, что еще отзывалось в ней на ее женское имя, шло за ним, она не могла не идти, хотя, может быть, уже не хотела идти...» [2].

Позднее придет осознание причастности мертвых к Высшей Тайне, которая недоступна миру живых. Оттого так завораживали Цветаеву строки «Реквиема по одной подруге» М. Рильке. Обращаясь к мертвой, герой упрекает свою подругу в том, что она не пытается проникнуть в Высшую Тайну и все время стремится назад: «Я думал, ты зрелей. Я поражен... // Будь между мертвых. Мертвые не праздны. // И помощь дай, не отвлекаясь; так, // как самое далекое порою // мне помощь подает. Во мне самом».

В оппозиции «жизнь—смерть», в раскрытии темы в связи с образом Орфея как истинного поэта, которому доступно сакральное знание и который своим даром музыки может управлять природой, людьми, М. Цветаева соотносит с мифологическим героем выдающегося лирика и просто дорогого друга Райнера Марию Рильке. Поэтическое письмо «Новогоднее», датированное 7 февраля 1927 г. (7 — любимое число Цветаевой), было написано в сороковой день кончины Рильке. Это — поэма-реквием, поэма-монолог «поверх явной и сплошной разлуки», поверх вечности и безначальной, бесконечной вселенной. Рильке для М. Цветаевой — сам Дух поэзии, «вселенское смеркшееся око».

С одной стороны, поэт говорит о близости смерти и ее естественности, с другой — отмечает абсурд случившегося. «Вчера» и «сегодня» соединяются в художественном сознании поэта как непрерывно продолжающееся время. Оно обозначено пространственными характеристиками как «Там» и «здесь». «Там» — как «новый свет», «новый край, новой кров». «Здесь» — как «космическая ипостась» вчерашней родины, одной из звезд. Мертвый для поэта еще более живой, чем все живые, начатый когда-то диалог с ним продолжается: «Жизнь и смерть давно беру в кавычки, // Как заведомо — пустые сплеты... // Жизнь и смерть произношу с усмешкой... // Жизнь и смерть произношу со сноской, // Звездочкой...».

В письме к Рильке от 12 мая 1926 г. Цветаева признавалась: «Смерть любого поэта, пусть самая естественная, противоестественна, т.е. убийство, поэтому нескончаема, непрерывна, вечно-ежедневно-длящаяся. Пушкин, Блок и чтобы назвать всех разом — Орфей никогда не может умереть, поскольку он умирает именно теперь (вечно!). В каждом любящем заново, и в каждом любящем — вечно. Поэтому никакого примирения, пока мы сами не станем „мертвыми“» [3] «Если ты, такое око, смерклось, // Значит, жизнь не жизнь есть, смерть не смерть есть. // Значит — тмится, да пойму при встрече! — Нет ни жизни, нет ни смерти, — третье, // Новое...» [4].

Не жизнь и не смерть, а нечто иное, вечная жизнь, жизнь сквозь смерть. М. Цветаева говорит о многомерности пространства души, нескончаемости бытия, осознании некой гармонии, духовного Абсолюта, в котором «все ризы делившие — спелись», «криком кричавшие — стихли», «навзничь лежавшие — встали», утверждает «просторный покрой // Бессмертья».

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Цветаева М.* Волшебный фонарь. Вторая книга стихов. — М.: Оле-Лукойе, 1999.
- [2] *Цветаева М.* Письма 1926 года. — М.: Книга, 1990.
- [3] *Цветаева М.* Стихи к Блоку. — Берлин: Огоньки, 1922.
- [4] *Цветаева М.* Из двух книг. — М.: Оле-Лукойе, 2005.

«ORPHEUS N'T TO DESCEND AFTER EURYDICE»: THE DICHOTOMY OF LIFE AND DEATH IN THE INTERPRETATION OF THE ANTIQUE MYTH BY M. TSVETAEVA

K.V. Estekhina

Department of Russian and foreign literature
Philological faculty
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to examine the compound understanding of the poet's destiny and his mission on the material of Tsvetaeva's poetry that mentioned the antique characters Orpheus and Eurydice. M. Tsveteva involves these two legendary characters to find the sense that lies beyond the real world, and appears that to have discovered it one has to sacrifice another's life.

Key words: myth and literature, myth of Orpheus and Eurydice, orphism (religion), the Russian literature of so called silver period, M. Voloshin, M. Tsvetaeva, poet and poetry, the interpretation of life and death.